

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

В. А. Мазиллов

Объяснение как функция психологической науки

Исследования проводятся при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15–06–10716)

Статья посвящена обсуждению вопросов объяснения. Обсуждаются причины того, почему в отечественной психологии проблема объяснения не получила должной разработки. Анализируются работы отечественного философа науки Е. П. Никитина, показано их значение для психологии. Выявлено, что решающее значение для психологии имеют идеи философа науки о множественности видов объяснения. Работы Е. П. Никитина по проблеме объяснения, как показано в статье, имеют большое эвристическое значение для психологической методологии и в другом аспекте. Чрезвычайно важно, что объяснение в работах Е. П. Никитина рассматривается не само по себе, а в более широком контексте – в рамках структуры научного исследования. Столь развернутые классификации – для психологии пока что недостижимая мечта. Имеющиеся классификации носят эмпирический характер, поэтому к ним обычно предъявляют массу претензий. В статье предпринимается критический анализ распространенных в психологии классификаций видов объяснения (Р. Браун и Ж. Пиаже). Подвергается критике позиция А. В. Юревича, согласно которой редукция в психологии является благом. Нередуктивное объяснение в психологии будет возможно при использовании широкой трактовки. Разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагает обсуждение вопроса о предмете психологии. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный»). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. В статье содержится представление о внутреннем мире как предмете психологии. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология.

Ключевые слова: наука, психология, объяснение, факт, функция науки, философия, экспланандум, эксплананс, предмет психологии, редукция.

PSYCHOLOGY

V. A. Mazilov

Explanation as a Function of Psychological Science

The article is devoted to discussion of questions of explanation. The reasons are discussed why in Russian psychology the problem of explanation was not worked out in a proper way. Works of the Russian philosopher of science E. P. Nikitin are analyzed, their value for psychology is shown. It is revealed that for psychology the ideas of the philosopher of science about plurality of types of explanation have great importance. E. P. Nikitin's works on the explanation problem, as shown in the article, have a great heuristic value for psychological methodology and in other aspect. It is extremely important that the explanation in E. P. Nikitin's works is considered not in itself, but in a wider context – within the structure of the scientific research. Such developed classifications for psychology meanwhile are an unattainable dream. The available classifications have the empirical character therefore there are usually many complaints. In the article the critical analysis of classifications of explanation types (R. Brown and Ge. Piaget), widespread in psychology, is undertaken. A. V. Yurevich's position is criticised according to which the reduction in psychology is the benefit. Not reductive explanation in psychology will be possible when the broad interpretation Development of the problem of the psychological explanation will be used and defining of its specificity assumes discussion of the question of the psychology subject. Really, in modern psychology we deal with a «multistage» subject («declared», «rationalized», «real»). It is important to emphasize that, «closing» this problem (as often it occurs), we lose hope to establish any mutual understanding in psychology. The article contains the idea of the inner world as a psychology subject. The inner world, on the one hand, is united with the outside world, on the other hand – is independent from it. The inner world generated as functional reflection of the outside world represents the complete ideal world. It is the live world as it is generated by needs of the person and it is penetrated by experiences. From the position of the inner world many problems are well discussed which are solved by psychology.

© Мазиллов В. А., 2017

Keywords: science, psychology, explanation, fact, function of science, philosophy, explanandum, explanans, psychology subject, reduction.

Как только мы упоминаем науку, сразу на горизонте появляется объяснение. Наука добывает факты, факт должен быть объяснен. Объяснение – это основная функция науки, точнее, одна из функций. Некогда О. Конт сформулировал «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий». Согласно основной доктрине Конта, все умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями «теологическая», «метафизическая» и «научная»...

Обратим внимание, что стадии отличаются именно объяснением: на первой стадии объяснение происходит за счет сверхъестественных причин, на второй – за счет обращения к отвлеченной сущности, на третьей – с помощью закона.

Проблема объяснения традиционно считается одной из важнейших методологических проблем науки. Известный отечественный философ науки Е. П. Никитин отмечал: «Действительно, и в прошлой истории науки и сейчас общепризнанным является мнение, что при научном исследовании любого объекта одна из основных задач состоит в том, чтобы дать *объяснение этого объекта*» [12, с. 5].

Е. П. Никитин выделил ряд функций науки: «...функциями науки (в их конкретном выражении) будем считать описательную, измерительную, классификационную, унифицирующую, объяснительную, предсказательную, ретросказательную, нормативную и т. д.» [12, с. 12]. «Объяснение – одна из важнейших функций науки. Не случайно ее часто характеризуют как основную функцию научного исследования наряду с функцией предвидения» [12, с. 12]. Таким образом, объяснение в отечественной философии науки рассматривается как одна из функций науки.

В настоящее время считается, что проблема объяснения в психологии – одна из центральных методологических проблем. А. В. Юревич, опубликовавший в 2006 г. чрезвычайно интересную и глубокую статью об объяснении в психологии, следующим образом характеризует значение проблемы объяснения в психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения. – В. М.) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, *каким должно быть психологическое объяснение*, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в спе-

цифике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии» [23, с. 87]. Но, как это ни удивительно, остается актуальным и справедливым замечание известного отечественного методолога психологии М. С. Роговина, сделанное еще в 1979 г.: «В настоящее время, когда тщательно разработаны методы психологического эксперимента, правила обработки результатов, когда в распоряжении исследователей сложная и разнообразная техника, некоторые из них высказывают мнение, что самым сложным в психологии является объяснение. Тем более странным и неоправданным представляется то, что склонность к анализу объяснения проявляют лишь очень немногие психологи» [15, с. 54]. Повторим, эта констатация до сих пор в значительной степени справедлива.

Поскольку нам уже приходилось достаточно подробно писать про объяснение в психологии [4–7, 9–11], ограничимся тем, что выскажем лишь несколько соображений.

В советский период проблеме объяснения в психологии фактически не уделялось внимания. Причина проста и лежит на поверхности: все «серьезные» объяснения осуществлялись философией диалектического и исторического материализма. Поэтому появлялись единичные работы, в которых автор сочетал в себе и философа и психолога (как С. Л. Рубинштейн, разрабатывавший проблему детерминизма в психологии). Важно отметить, что в этот период времени в качестве единственного варианта объяснения рассматривалось причинное объяснение.

Проблема объяснения начала активно разрабатываться в отечественной философии науки во второй половине 50-х гг. XX столетия.

Прежде всего, следует назвать известные многолетние исследования Е. П. Никитина. В 1970 г. вышла его книга «Объяснение – функция науки», имевшая поистине новаторский характер. В частности, в этой работе было убедительно показано, что существуют различные виды объяснения. Следовательно, причинное объяснение не является единственным объяснением.

Нельзя не отметить, что отождествление объяснения вообще с причинно-следственным чрезвычайно живуче: многие психологи и сегодня считают его единственно возможным.

Как уже отмечалось, проблема объяснения первоначально была поставлена в философии науки и именно в философии науки были получены наиболее важные результаты, которые в настоящее время представляют собой «классику» в данной области¹. Речь идет прежде всего о знаменитых работах К. Гемпеля и П. Оппенгейма, в которых вводятся ныне общепринятые понятия «экспланандум» и «эксплананс» [29].

Как известно, согласно этой модели, объяснение эмпирического факта представляет собой его подведение под общее высказывание. В научном объяснении в качестве такого общего высказывания выступает утверждение о законе. Утверждение о законе может быть получено как индуктивно, на основе эмпирической генерализации, так и дедуктивно. В. А. Лекторский отмечает, что «гемпелевская модель объяснения предельно формальна: она не учитывает характер тех моделей, которые используются для интерпретации теории» [3, с. 477]. Подход Е. П. Никитина к проблеме объяснения, согласно В. А. Лекторскому, существенно отличается от гемпелевского, поскольку он «сделал то, чего не сделал Гемпель: показал, что существуют разные типы объяснений в зависимости от моделей, принимаемых для интерпретации теории. Поэтому объяснения могут быть субстратными, структурными, причинными, функциональными и т. д. Каждый тип объяснения предоставляет разные возможности для истолкования имеющихся фактов и предсказания новых» [3, с. 477]. Е. П. Никитин разработал классификацию объяснений (по нескольким основаниям).

Достоинством классификации Никитина является ее логическая обоснованность. Как отмечает Е. П. Никитин, «предварительным условием классификации каких-либо объектов является выяснение их основных принципиальных характеристик, которые могут быть использованы в качестве оснований деления. Эти характеристики должны быть варьирующимися, то есть принимать различные значения применительно к разным группам исследуемого класса объектов. В противном случае они не могут служить основаниями классификации» [12, с. 43].

Предложенная классификация построена по трем основаниям:

- Характер эксплананса.
- Характер экспланандума.
- Характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума.

Соответственно, получаются три классификации объяснений.

Первая классификация (по характеру эксплананса) предполагает выделение следующих типов:

- Субстанциональные объяснения.
- Атрибутивные объяснения.
- Генетические объяснения.
- Контрагенетические объяснения.
- Структурные объяснения.

Вторая классификация (по характеру экспланандума) предполагает выделение следующих типов:

- Фактологические (экспланандумами являются факты).
- Номологические (экспланандумами являются законы).
- Теориологические (экспланандумами являются теории).

Третья классификация по механизму объяснения (характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума):

- Объяснения через собственный закон.
- Модельные объяснения.

На наш взгляд, эти исследования Е. П. Никитина имеют важное значение для психологии, так как в современной психологии явно не хватает строгой логической упорядоченности. Психологи привыкли рассуждать о множественности объяснений, но работа по конкретному отнесению того или иного выполненного исследования к той или иной объяснительной традиции обычно не проводится. Объяснения в психологии, как правило, выстраиваются интуитивно, выбор возможных типов и способов объяснения редко выступает как хорошо осознанный акт со стороны исследователя. Не уделяют должного внимания этим вопросам и историки психологии. Все это, на наш взгляд, препятствует разворачиванию интегративных тенденций в психологии.

Работы Е. П. Никитина по проблеме объяснения имеют, на наш взгляд, большое эвристическое значение для психологической методологии и в другом аспекте. Чрезвычайно важно, что объяснение в работах Е. П. Никитина рассматривается не само по себе, а в более широком контексте – в рамках структуры научного исследования. К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся в рамках настоящего текста.

Обратим внимание, что столь развернутые классификации пока что недостижимая мечта для психологии. Существующие классификации име-

ют эмпирический характер, поэтому к ним обычно предъявляют массу претензий. «Какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, психологами используется большое разнообразие видов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами. Объяснения, которые дают изучаемым объектам нейропсихологи, существенно отличаются от объяснений, практикуемых психологами гуманистической ориентации, а скажем, объяснения психоаналитиков выглядят весьма экзотически за пределами основополагающих принципов психоанализа» [23, с. 98].

В зарубежной психологии существуют авторитетные работы по проблеме объяснения [26, 27, 28–30].

Мы уже отмечали, что, к сожалению, классификаций, подобных приведенной выше никитинской, в психологии не существует. Тем не менее достаточную известность получило несколько классификаций. Распространенной является классификация Р. Брауна, согласно которой объяснения можно разделить на 7 основных видов: 1) генетические объяснения, 2) интенциональные объяснения, 3) диспозиционные объяснения, 4) причинные объяснения, 5) функциональные объяснения, 6) эмпирические обобщения, 7) объяснения на основе теорий [26].

Характеризуя выделенные Брауном виды объяснения, Юревич отмечает, что «в реальности они не разделены какими-либо гносеологическими барьерами и вступают в разноплановые отношения друг с другом. Например, интенциональные объяснения часто развиваются в диспозиционные объяснения, и те и другие могут быть преобразованы в причинные объяснения, и т. п. Большинство реальных объяснений, используемых в психологической, как и в любой другой социогуманитарной науке, не сводятся к какому-либо одному из выделенных Р. Брауном видов, а представляют собой их переплетение, включая апелляцию и к интенциям субъектов объясняемых действий, и к их диспозициям, и к предшествовавшим объясняемым действиям событиям, и к внешним факторам, оказавшим влияние на эти действия и т. д.» [23, с. 99]. А. В. Юревич оценивает классификацию Брауна следующим образом: «...описанная выше систематизация основных видов психологического объяснения выглядит несколько упрощенной. Она, во-первых, не учитывает ряда реально используе-

мых видов объяснения; во-вторых, изрядно обедняет возможности их синтеза и взаимовлияния. Вместе с тем эта систематизация не эфемерна, а задает реальную матрицу видов объяснения, которые имеются в распоряжении психолога» [23, с. 99].

С такой оценкой классификации Брауна можно согласиться. Как и всякая эмпирическая типология, она имеет свои преимущества и недостатки.

Широкую известность получила также классификация психологических объяснений, разработанная классиком психологии Ж. Пиаже. Он отмечает, что «существуют два основных типа или, по крайней мере, два полюса в объяснительных моделях в зависимости от того, направлены они на: а) сведение сложного к более простому или психологического к внепсихологическому или б) на конструктивизм, в большей или меньшей степени остающийся внутри границ “поведения”. Так как модели редукционистского типа, в свою очередь, могут сохранять преимущественно психологическую окраску или, напротив, стремиться к сведению психического к фактам, выходящим за его пределы, мы фактически приходим к трем крупным категориям (А–В), причем каждая из двух последних предполагает три разновидности» [13, с. 167].

Приведем эту классификацию Пиаже [13, с. 167–168].

А. Психологический редукционизм: состоит в поисках объяснения определенного числа различных реакций или действий посредством сведения их к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразований.

Б. Формы редукционизма, объясняющие реакции или действия ссылкой на факты, выходящие за пределы психологии. Отсюда три разновидности:

Б1. Социологические объяснения в психологии, или вообще психосоциальные объяснения, пытающиеся объяснять индивидуальные реакции с точки зрения взаимодействий между индивидами или структур социальных групп различных уровней.

Б2. Физикалистские объяснения, которые, исходя из изоморфизма психических и органических структур соответственно моделям поля, основывают в конечном счете эти последние на физических соображениях.

Б3. Органистские объяснения вообще, сводящие психологическое к физиологическому.

В. «Конструктивистские»: такие типы объяснения, которые, предусматривая, конечно, различного рода сведения (так как это, по крайней мере, один из аспектов всякого объяснения), делают основной акцент на процессах конструкции.

В₁. Модели типа «теории поведения», которые обладают тем общим признаком, что координируют различные законы обучения в системы, сосредоточенные на приобретении новых форм поведения.

В₂. Модели чисто генетического типа, при помощи которых исследователи ищут в развитии некоторые конструктивные механизмы, способные объяснить появление нового опыта, не прибегая только к приобретенному опыту.

В₃. Абстрактные модели, которые не предполагают выбора между различными возможными субстратами, чтобы лучше выявить в самой общей форме, соответствующей психологическим требованиям, механизм самих конструкций.

Взгляды Ж. Пиаже по этому поводу критиковались (Роговин, 1979; Мазилев, 2006, 2008). Не будем здесь воспроизводить аргументы «за» и «против». Отметим лишь, как обещали, только самое главное.

Вывод, который следует из построений Ж. Пиаже, для психологии весьма печален. По Пиаже, редукционизм в той или иной форме неизбежен. Конструктивистские модели, в свою очередь, сводятся либо к биологическому, либо к социальному. В данном тексте нет возможности осуществить развернутую критику позиции классика мировой психологии (см. [4, 11]). Авторитет Ж. Пиаже, несомненно, велик и, можно полагать, воздействует на многих авторов, склонных безоговорочно соглашаться с классиками.

Тем не менее еще раз подчеркнем: это тупиковый путь для психологии. При правильном определении предмета психологии редукционизм не будет актуален. Впрочем, ниже мы неизбежно коснемся этого вопроса.

В статье А. В. Юревича, на которую мы уже ссылались, содержится очень важное и интересное положение, касающееся возможностей редукционизма и правомерности его использования в современной психологической науке. А. В. Юревич отмечает: «Редукционизм подвергался, и вполне справедливо, беспощадной критике многими классиками отечественной психологической науки. Ни в коей мере не подвергая сомнению справедливость этой критики, все же следует отметить, что в современной – постнеклас-

сической – науке, характеризующейся нарастанием интегративных тенденций, редукционизм выглядит несколько иначе, а формируя общее отношение к нему, необходимо учитывать риск выплеснуть с водой и ребенка. Дело в том, что у редукционизма имеется необходимый для любой науки смысл – *выход в процессе объяснения за пределы самой объясняемой системы*» [23, с. 101–102].

А. В. Юревич продолжает: «В общем, редукционизм, рассматривающийся в психологии в качестве одного из худших видов “методологического криминала”, вместе с тем широко распространен и, по всей видимости, неизбежен. А декларированное отношение к нему напоминает весьма характерное для науки, как и для обыденной жизни, провозглашение норм и принципов, которые заведомо не могут быть соблюдены. По всей видимости, *редукционизм, то есть выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении, не только неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений*» [23, с. 102].

А. В. Юревич подчеркивает, что «подлинно научное объяснение предполагает поэтапную редукцию – последовательное перемещение объясняемых явлений во все более широкие системы координат, сопровождающееся абстрагированием от их исходных свойств. Если следовать этой схеме, а ей следуют все естественные науки, то придется признать, что психологии придется не только легализовать все основные виды редукционизма, которых она упорно стремится избежать, – биологического, социального и др., но и превратить их в хотя и не строго обязательные в каждом конкретном случае, но желательные ориентиры психологического объяснения. В отсутствие же таких ориентиров психологическое объяснение неизбежно будет вращаться в кругу понятий, которые сами требуют объяснения, иметь больше сходства с житейскими, чем с научными объяснениями, а психологическая наука останется далекой от той упорядоченной системы знания, о которой давно мечтают психологи» [23, с. 103].

А. В. Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редукционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределы самого психического. Как пишет Ж. Пиаже, «психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого

обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)». Нетрудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у адептов так называемой гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между гуманитарной и естественно-научной парадигмами» [23, с. 103–104].

Прежде всего, отметим, что сформулированная А. В. Юревичем позиция обладает существенной новизной, так как не многие авторы сегодня отваживаются на «оправдание» редукционизма. Представляется, что не со всеми положениями, сформулированными А. В. Юревичем, можно согласиться.

Во избежание недоразумений стоит заметить, что автор настоящих строк вовсе не считает редукционизм абсолютным злом и готов согласиться с тем, что *в некоторых случаях* он может быть полезен. Более того, автор является сторонником интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между различными парадигмами в психологической науке. Вместе с тем представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественно-научной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по разному трактуется *предмет психологии*. Поэтому для того, чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии. Перспектива редукционистского обращения с предметом хорошо описана П. Я. Гальпериным: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией, любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более, что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в дру-

гую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожалению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» [1, с. 39]. К проблеме предмета психологии нам еще предстоит вернуться в заключительной части настоящего раздела.

Обратимся к самой процедуре редукции. Редукция, как хорошо известно, представляет собой: а) сведение более сложного к простому и б) выход за пределы объясняемой системы. Остановимся на этих двух моментах более подробно.

Сведение более сложного к простому. В психологии это должно означать сведение психологического к непсихологическому. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е. П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто “пассивное”, “страдательное”, произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а “со стороны”, посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта “извне”, через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» [12, с. 88–89]. Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки).

Выход за пределы объясняемой системы. А. В. Юревич поясняет это следующим образом: «С целью обоснования этого тезиса вновь обратимся к случаю Ньютона. Если бы он объяснял

падение яблок чем-то, относящимся к самим яблокам, такое объяснение имело бы много общего со шпрангеровским “psychologica – psychological”. Ботаники и любители яблок, возможно, были бы удовлетворены, но закон всемирного тяготения не был бы сформулирован. Если бы Ньютон абстрагировался от яблок, рассмотрев их как частный случай тяжелых тел, но пытался объяснить падение этих фруктов их собственными свойствами, то оказался бы на уровне объяснения, сопоставимом с тем уровнем, на котором нет грани между индивидом, группой и обществом, и все они рассматриваются как “социальные объекты”, погруженные в единую систему детерминации (пример ее построения – синтетическая система каузальности, о которой пишет У. Томас). Но и в этом случае, предполагающем выход за пределы объясняемой системы, закон всемирного тяготения не был бы открыт. Понадобился бы и еще один “выход”, да такой, что первоначальный объект объяснения оказался бы включенным во вселенскую перспективу, где от его исходных свойств осталось немного. И именно эти “выходы”, то есть поэтапное помещение объясняемого объекта во все более широкую перспективу, позволило его объяснить. А если бы Ньютон объяснял падения яблок свойствами самих яблок, он бы не объяснил, почему они падают на землю» [23, с. 102–103].

Если обратиться к гипотетическому случаю Ньютона, то следует отметить, что великого физика, по-видимому, интересовало все же не падение яблок, а падение объектов. Падение яблока (если таковой эпизод имел место) вовсе не явилось причиной формулирования закона всемирного тяготения: Ньютон мыслил как физик – в *физических категориях*. Иными словами, это было классическое проявление «галилеевского» способа мышления (К. Левин). Заметим, кстати, что выход за пределы объясняемой системы не обязательно предполагает редукцию. Более того, по-видимому, выход за пределы объясняемой системы есть признак объяснения вообще, так как экспланандум и эксплананс не совпадают: «Эксплананс по содержащейся в нем информации не должен быть тождественным экспланандуму и не должен содержать экспланандум как свою часть (если даже он и представлен в других терминах)» [12, с. 36]. «Эксплананс должен отображать ту же предметную область, что и экспланандум, или закономерно связанную или сходную с ней в некотором существенном отношении» [12, с. 35].

Использование редукции очень часто приводит к результатам, которые мало что добавляют к уже

известному, поэтому их познавательная ценность в большинстве случаев минимальна. Е. П. Никитин приводит пример с мальчиком, который на вопрос «Почему колокола звонят на Пасху?» дал замечательный (притом вполне редукционистский) ответ-объяснение: «Потому, что их дергают за веревочки» [12, с. 91].

Здесь уместно вспомнить, что объяснение имеет исключительную ценность: считается, что наука должна давать объяснения, без объяснений нет науки². Таким образом, «уважающая себя» наука просто обязана объяснять. Возникает искушение дать объяснение ради объяснения, чтобы оно формально присутствовало. Как говорил М. К. Мамардашвили, «explaine away» – «от-объяснить» (иными словами, не дать полноценное объяснение феномена, а «обозначить» его). Поэтому редукция зачастую представляет собой псевдообъяснение. Другой вариант редукции в объяснении приводит к тому, что Абрахам Маслоу называл «объяснить до уничтожения». Он имел в виду так называемые «научные» объяснения, которые объясняли творчество, любовь, альтруизм и другие великие культурные, социальные и индивидуальные достижения человечества таким образом, что от этих феноменов мало что оставалось. Конечно, предпочтительнее объяснения, которые не уничтожают объясняемый феномен. И это большей частью именно нередукционистские объяснения.

Как уже упоминалось, разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагает обсуждение вопроса о предмете психологии. Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») (см. об этом: [4, 5, 6]). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже [13].

Реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в

очередной раз не оказалось эпифеноменом. Дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой* – не только самостоятельной, но и самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой – сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» [13, с. 188]. Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание – лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» [13, с. 188]. Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического).

Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может. Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К. Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica – psychological*» (объяснять психическое через психическое) является логически

обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения).

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления и т. д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, то есть максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии – оперировать такими неизвестными величинами была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» [20, с. 102]. Обращение к анализу сложнейших психических феноменов требует и изменения методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория – это мир.

Наши опыты – это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые – наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» [21, с. 102]. Согласно основным положениям юнговской «общей психологии»

– психическое – далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т. д.;

– психическое – чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна;

– психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;

– источник движения психики в самой психике – она сложна, поэтому психология вполне

может обойтись без той или иной формы редукции психического;

- можно говорить о психической энергии;
- психическое представляет собой целостность;
- объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхроничность как акаузальный принцип);
- разработаны свои, особые, методы (например, синтетический, метод амплификации и т. д.);
- важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений;
- в юнговском подходе по-иному понимается роль теории: она скорее инструмент анализа, чем формализованная система (иными словами, в этом случае достигается единство теории и метода).

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой» трактовке предмета. «Наше намерение – наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком понимании, не должно – я искренне на это надеюсь – окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение – как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью...» [20, с. 102].

Хотелось бы специально подчеркнуть, что сам Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, новой общей психологии, а не разрабатывает частные вопросы: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» [21, с. 387].

Обратим внимание, что подход Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редукционистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редукционистский подход с юнговским методом амплификации. Амплификация – часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация

предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением “психологической ткани”, в которую вплетен образ» [16, с. 19]. Как мудро заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приурочена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет. Как нам представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редукционизма в психологии неактуальной.

И наконец, отметим: в настоящее время совершенно ясно, что научная психология еще далека от того, чтобы претендовать на создание единой универсальной теории. Соответственно, реальностью является *множественность* видов объяснения и *сосуществование* различных видов объяснения. Поэтому дискуссии о том, какие виды объяснения предпочтительнее, имеют смысл в перспективном отношении: для определения главных тенденций в развитии психологической науки.

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии. Автор настоящих строк отнюдь не хотел бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К. Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки.

Что касается нашей позиции, она в самых общих чертах сводится к следующему. Процесс становления психологии как фундаментальной науки только начинается. Он потребует значительного времени. Напомним, и условий: как говорил Леви-Строс, двадцать первый век будет веком гуманитарных наук, или его не будет. Можно полагать, что если он будет, то будет, в первую очередь, веком психологии. Пока делаются первые начальные шаги в этом направлении.

Главное – это то, с чего необходимо начинать. Нужно воплотить новую широкую трактовку психического. В частности, в настоящее время уже

подготовлен и издан учебник для будущих психологов [20]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология.

В заключение кратко остановимся на том, каковы ближайшие перспективы подхода, при котором конструктивно определен предмет общей психологии.

В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь, процессы рассматриваются обособленно от качеств личности. Как можно полагать, функционализм психологии, характерный для современной психологии, в значительной мере преодолевается: отдельные функции и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

Известный советский психолог П. Я. Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно про-

отивоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [2, с. 3]. П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [2, с. 3]. Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором психические явления обретают надежную нейробиологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удастся избежать редукционизма и физиологизма.

Реализация широкой трактовки предмета позволяет сформулировать подход, который, насколько можно сейчас об этом судить, будет способствовать улучшению взаимопонимания между академической психологией и практической психологией [9], что представляется важной задачей современной психологии.

Библиографический список

1. Гальперин, П. Я. Лекции по психологии [Текст]: учебное пособие для студентов вузов / П. Я. Гальперин. – М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002.
2. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М.: МГУ, 1992. – 364 с.
3. Лекторский, В. А. Евгений Петрович Никитин – человек, философ [Текст] / В. А. Лекторский // Никитин Е. П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? – М.: Росспэн, 2004.
4. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки. [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2003.
5. Мазиллов, В. А. Стены и мосты [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ижевск: ERGO, 2015. – 196 с.
6. Мазиллов, В. А. Стены и мосты [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль, 2004. – 243 с.
7. Мазиллов, В. А. Эволюция гештальтпсихологии (проблемы творческого мышления в работах Лайоша Секея) [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 162–173.
8. Мазиллов, В. А. Исследование творчества: типология трудностей в творческом процессе [Текст] / В. А. Мазиллов // Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева, ИП РАН, 24–25 сентября 2015 г. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – С. 257–263.
9. Мазиллов, В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологический журнал. – 2015в. – Том 36. – № 3. – С. 87–96.
10. Мазиллов, В. А. К проблеме объяснения в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Человеческий фак-

тор: Социальный психолог, выпуск 2(12). – 2006. – С. 9–19.

11. Мазиллов, В. А. Reductionism and explanation in psychology [Текст] / В. А. Мазиллов // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. – 2007. – № 3. – С. 112–116.

12. Никитин, Е. П. Объяснение – функция науки [Текст] / Е. П. Никитин. – М.: Наука, 1970.

13. Пиаже, Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм [Текст] / Ж. Пиаже // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. – М.: Прогресс, 1966. – С. 157–194.

14. Потенбня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потенбня. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1892.

15. Роговин, М. С. Психологическое исследование [Текст] / М. С. Роговин. – Ярославль, 1979.

16. Сэмьюэлз, Э. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга [Текст] / Э. Сэмьюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот. – М.: ЭСИ, 1994.

17. Фресс, П. Экспериментальный метод [Текст] / П. Фресс // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Вып. 1, 2. – М.: Прогресс, 1966. – С. 99–156.

18. Шадриков, В. Д. Мысль как предмет психологического исследования / В. Д. Шадриков // Психологический Журнал. – 2014. – Том 35. – № 1. – С. 130–137.

19. Шадриков, В. Д. Мысль и ее порождение [Текст] / В. Д. Шадриков // Вопросы психологии. – 2014а. – № 5. – С. 118–127.

20. Шадриков, В. Д. Общая психология [Текст]: учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. – М.: Юрайт, 2015. – 411 с.

21. Юнг, К. Г. Дух и жизнь [Текст] / К. Г. Юнг. – М.: Практика, 1996. – 560 с.

22. Юнг, К. Г. Конфликты детской души [Текст] / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 1995. – 336 с.

23. Юревич, А. В. Объяснение в психологии [Текст] / К. Г. Юнг // Психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 97–106.

24. Юревич, А. В. Методологический либерализм в психологии [Текст] / А. В. Юревич // Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 3–19.

25. Юревич, А. В. Психология в современном обществе [Текст] / А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2008. – № 6. – Т. 29. – С. 5–14.

26. Brown R. Explanation in social science / R. Brown. – Chicago, 1963.

27. Cammins R. The Nature of psychological Explanation / R. Cammins. – London: MIT press, 1983.

28. Fodor J. A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology / Fodor J. A. – N. Y.: Random House, 1968.

29. Hempel C. G. Studies in the Logic of Explanation / C. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science, 1948, Vol. 15, № 2, pp. 135–175.

30. Swart H. A. P. Explanation in Psychology / H. Swart. Delft: Eburon, 1985.

31. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken / L. Szekely. Bern u. a.: Hüber, 1976. – 358 s.

Библиографический список

1. Gal'perin, P. Ja. Lekcii po psihologii [Текст]: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov / P. Ja. Gal'perin. – М.: Knizhnyj dom «Universitet»: Vysshaja shkola, 2002.

2. Istorija psihologii: period otkrytogo krizisa: Teksty [Текст] / pod red. P. Ja. Gal'perina, A. N. Zhdan. – М.: MGU, 1992. – 364 s.

3. Lektorskij, V. A. Evgenij Petrovich Nikitin – che-lovek, filosof [Текст] / V. A. Lektorskij // Nikitin E. P. Duhovnyj mir: organichnyj kosmos ili razbegajush-hajasja vseennaja? – М.: Rossipen, 2004.

4. Mazilov, V. A. Metodologija psihologicheskoi nauki. [Текст] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl': MAPN, 2003.

5. Mazilov, V. A. Steny i mosty [Текст] / V. A. Mazilov. – Izhevsk: ERGO, 2015. – 196 s.

6. Mazilov, V. A. Steny i mosty [Текст] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl', 2004. – 243 s.

7. Mazilov, V. A. Jevoljucija geshtal'tpsihologii (problemy tvorcheskogo myshlenija v rabotah Lajosha Sekeja) [Текст] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – С. 162–173.

8. Mazilov, V. A. Issledovanie tvorchestva: tipologija trudnostej v tvorcheskom processe [Текст] / V. A. Mazilov // Tvorchestvo: nauka, iskusstvo, zhizn': Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 95-letiju so dnja rozhdenija Ja. A. Ponomareva, IP RAN, 24–25 sentjabrja 2015 g. – М.: Institut psihologii RAN, 2015. – С. 257–263.

9. Mazilov, V. A. Psihologija akademicheskaja i prakticheskaja: Aktual'noe sosushhestvovanie i perspektivy [Текст] / V. A. Mazilov // Psihologicheskij zhurnal. – 2015v. – Tom 36. – № 3. – С. 87–96.

10. Mazilov, V. A. K probleme ob#jasnenija v psihologii [Текст] / V. A. Mazilov // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog, vypusk 2(12). – 2006. – С. 9–19.

11. Mazilov, V. A. Reductionism and explanation in psychology [Текст] / V. A. Mazilov // Chelovecheskij faktor: Problemy psihologii i jergonomiki. – 2007. – № 3. – С. 112–116.

12. Nikitin, E. P. Ob#jasnenie – funkcija nauki [Текст] / E. P. Nikitin. – М.: Наука, 1970.

13. Piazhe, Zh. Harakter ob#jasnenija v psihologii i psihofiziologicheskij parallelizm [Текст] / Zh. Piazhe // Fress P., Piazhe Zh. Jeksperimental'naja psihologija. Vyp. 1, 2. – М.: Progress, 1966. – С. 157–194.

14. Potenbja, A. A. Mysl' i jazyk [Текст] / A. A. Potenbja. – Har'kov: Tipografija Adol'fa Darre, 1892.

15. Rogovin, M. S. Psihologicheskoe issledovanie [Tekst] / M. S. Rogovin. – Jaroslavl', 1979.
16. Sjem'ujelz, Je. Kriticheskij slovar' analiticheskij psihologii K. Junga [Tekst] / Je. Sjem'ujelz, B. Shorter, F. Plot. – M. : JeSI, 1994.
17. Fress, P. Jeksperimental'nyj metod [Tekst] / P. Fress // Jeksperimental'naja psihologija / red. P. Fress, Zh. Piazhe. – Vyp. 1, 2. – M. : Progress, 1966. – S. 99–156.
18. Shadrikov, V. D. Mysl' kak predmet psihologicheskogo issledovanija / V. D. Shadrikov // Psihologicheskij Zhurnal. – 2014. – Tom 35. – № 1. – S. 130–137.
19. Shadrikov, V. D. Mysl' i ee porozhdenie [Tekst] / V. D. Shadrikov // Voprosy psihologii. – 2014a. – № 5. – S. 118–127.
20. Shadrikov, V. D. Obshhaja psihologija [Tekst] : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. – M. : Jurajt, 2015. – 411 s.
21. Jung, K. G. Duh i zhizn' [Tekst] / K. G. Jung. – M. : Praktika, 1996. – 560 S.
22. Jung, K. G. Konflikty detskoj dushi [Tekst] / K. G. Jung. – M. : Kanon, 1995. – 336 s.
23. Jurevich, A. V. Ob#jasnenie v psihologii [Tekst] / K. G. Jung // Psihologicheskij zhurnal. – 2006. – № 1. – S. 97–106.
24. Jurevich, A. V. Metodologicheskij liberalizm v psihologii [Tekst] / A. V. Jurevich // Voprosy psihologii. – 2001. – № 5. – S. 3–19.
25. Jurevich, A. V. Psihologija v sovremennom obshhestve [Tekst] / A. V. Jurevich // Psihologicheskij zhurnal. – 2008. – № 6. – T. 29. – S. 5–14.
26. Brown R. Explanation in social science / R. Brown. – Chicago, 1963.
27. Cammins R. The Nature of psychological Explanation / R. Cammins. – London: MIT press, 1983.
28. Fodor J. A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology / Fodor J. A. – N. Y.: Random House, 1968.
29. Hempel C. G. Studies in the Logic of Explanation / C. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science, 1948, Vol. 15, № 2, pp. 135–175
30. Swart H. A. P. Explanation in Psychology / H. Swart. Delft: Eburon, 1985.
31. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken / L. Szekely. Bern u. a.: Hüber, 1976. – 358 s.

¹ Ввиду ограниченности объема настоящей статьи мы не рассматриваем историю проблемы объяснения в философии науки. Анализ литературы по данной проблеме см. в монографии Е. П. Никитина [12].

² Еще Демокрит говорил, что «предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол».